

Симченко Н.А., Нагорный С.В.

**ЭКОНОМИКА СОВМЕСТНОГО ПОТРЕБЛЕНИЯ И РАЗВИТИЕ
ЦИФРОВОГО ОБЩЕСТВА: КОНЦЕПТУАЛЬНЫЙ ДИСКУРС**

Симченко Наталия Александровна; доктор экономических наук, профессор, зав. кафедрой экономической теории; ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского»; РФ, 295007, Республика Крым, г. Симферополь, просп. академика Вернадского, д. 4; e-mail: natalysimchenko@yandex.ru

Нагорный Стас Викторович; аспирант кафедры экономической теории; ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского»; РФ, 295007, Республика Крым, г. Симферополь, просп. академика Вернадского, д. 4; e-mail: ssmohawka@gmail.com

Динамичное развитие цифровой экономики обуславливает актуальность развития цифрового общества под воздействием экономики совместного потребления. В статье авторы исследуют сущностные характеристики концептуального дискурса взаимосвязи экономики совместного потребления и развития цифрового общества. Перспективным методом решения поставленной проблемы является использование институционального подхода к исследованию современных трендов цифрового общества. Цифровая экономика является не только основой для создания новых бизнес-моделей, качественных цифровых изменений в бизнес-моделях, но и влияет на фундаментальные основы формирования новой цифровой цивилизации. Экономика совместного потребления оказывает значительное воздействие на развитие цифрового общества посредством влияния совокупности функций социальных и экономических институтов, что приводит к их трансформации. Развитие институтов стимулирует снижение транзакционных издержек, что, несомненно, важно для всей цифровой экономики.

Ключевые слова: цифровая экономика, экономика совместного потребления, цифровое общество, институты, функции институтов.

Simchenko N.A., Nagornyi S.V.

**ECONOMY OF JOINT CONSUMPTION AND DIGITAL SOCIETY DEVELOPMENT:
CONCEPTUAL DISCOURSE**

Simchenko Natalia Alexandrovna; doctor of economic sciences, professor; V.I. Vernadsky Crimean Federal University; 4 Vernadskogo Avenue, Simferopol, Republic of Crimea 295007, Russian Federation; e-mail: natalysimchenko@yandex.ru

Nagornyi Stas Viktorovich; PhD student; V.I. Vernadsky Crimean Federal University; 4 Vernadskogo Avenue, Simferopol, Republic of Crimea 295007, Russian Federation; e-mail: ssmohawka@gmail.com

The dynamic development of digital economy determines the urgency of digital society development under the influence of the economy of joint consumption. In the article, the authors explore the essential characteristics of the conceptual discourse of the relationship between the economy of joint consumption and digital society development. A promising method for solution of this problem is to use institutional approach to the study of modern digital society trends. Digital economy is not only the basis for creating new business models and qualitative digital changes in the business models, but it also affects the fundamental basis of new digital civilization. The development of joint consumption has a significant impact on the development of the digital society through the influence of a set of functions of social and economic institutions that leads to the transformation of social and economic institutions. The institutions development leads to reduction of transactional costs, which is undoubtedly a significant effect of the digital economy development.

Keywords: digital economy, joint consumption economy, digital society, institutions, institutions functions.

Динамичное развитие цифровой экономики и вследствие этого цифрового общества предполагает не только переосмысление инструментов экономического развития России в ближайшие годы, но и обновление ряда связанных с этим социокультурных процессов, в частности, экономики совместного потребления, отражающей актуальные вызовы цифровизации.

Цифровое общество, или общество будущего, рассматривается как результат реализации концепции информационного общества, однако его специфика требует описания, осмысления и этического регулирования. Отличие нового этапа заключается в том, что спецификой информационного общества стала изменившаяся роль информации как в сфере материальной деятельности, так и в сфере человеческих отношений и духовной жизни. Для цифрового общества ключевой характеристикой является не сама информация, а электронно-цифровой метод ее хранения и распространения, электронно-цифровое посредничество любых социальных отношений.

Вообще термин «цифровая экономика» впервые был использован в 1995 году канадским профессором Д. Тапскоттом в книге «Цифровая экономика: обещание и опасность в эпоху сетевой разведки» [20], а также американским ученым Дж. Негропonte, который исследовал роль информации и цифровых технологий в экономике и жизни общества [21]. На фоне многочисленных определений цифровой экономики наиболее приемлемым, на наш взгляд, с точки зрения собирательности сущностей цифровизации является определение А.В. Воронцовского. «Цифровая экономика представляет собой форму организации экономической деятельности людей, основанная на цифровых и электронных технологиях и непосредственно реализуемая через электронную коммерцию, облачные технологии, цифровые платформы и сетевой бизнес. Она включает сервисы по предоставлению онлайн-услуг, интернет-магазины, информационные сайты, сетевые сообщества и другие формы, позволяющие извлекать доход путем обработки и предоставления информации, а также посредством цифровизации производимых товаров и услуг», – пишет ученый [22, с. 190].

Различные исследования демонстрируют важность применения технологий искусственного интеллекта и робототехники, которые могут способствовать развитию цифрового общества: Ф. Кавалло [7], Д. Конти [9], И. Педерсон [16]. Развитие цифрового общества на основе цифровых навыков считается ключевой компетенцией XXI века, что описано в трудах Б. Бэлсмаера [2], К. Купера [10], М. Кларо [8], А. Херберта [14], С. Уайлда [18].

Анализ взглядов на современную науку как базис использования больших данных широко представлен в трудах А. Агеева [1], С. Бермана [3], А. Бернарда [4], А. Бисина [6], А. Ризка [17], А. Эльрагала [11], М. Фрикке [12], Г. Головенчик [13], Р. Китчина [15] и др.

Взаимоувязанность исследования понятия экономики совместного потребления (или «шеринговой» экономики) и цифрового общества наглядно прослеживается в работе И.Д. Бекмурзаева и С.Д. Хажмурадовой [19]. Авторами дано определение понятия «шеринговая экономика» как «информационная социоэкономическая модель, основанная на совместном потреблении человеческих и материальных ресурсов. Необходимость экономии ресурсов является завершающим мотивом развития шеринговой экономики. Существующие темпы потребления неизбежно приведут к истощению существующих запасов уже в XXI веке» [19, с. 34].

Совместное потребление рассматривается как новая культура и основа новой модели экономики, в рамках которой признается преимущество модели временного пользования объектом, находящимся в общем доступе, или принадлежащим другому лицу, или бывшим в употреблении ранее, над приобретением нового объекта в собственность. Данная модель способна изменить бизнес, потребительское поведение и стиль нашей жизни в целом.

Отметим, что развитие экономики совместного потребления приводит к трансформации социальных институтов, которые могут как ускорять, так и ограничивать темпы развития экономической системы. Значение институциональной среды для развития экономики совместного потребления трудно переоценить. Традиционно институциональная среда рассматривается как совокупность институтов, влияющих на структуризацию социальных отношений между экономическими агентами. Институциональная среда представляет собой, с одной стороны, сложную упорядоченную систему базовых и инфраструктурных экономических институтов, создающих условия для общественного воспроизводства через формирование общеобязательных правил и механизмов их поддержания, с другой стороны, систему отношений

между экономическими субъектами и институтами по поводу удовлетворения потребностей экономических субъектов в институтах и институциональных механизмах. Институциональная среда владеет рядом свойств, среди которых стоит выделить такие, как целостность, устойчивость, иерархичность, неоднородность.

Функционирование институциональной среды непосредственно связано с особенностями развития институциональной инфраструктуры. Выделим следующие составляющие институциональной инфраструктуры:

- институты распространения информации об услугах потребительского и производственного характера;
- защита прав интеллектуальной собственности;
- защита правомочий собственности, а также контроль за надлежащим исполнением контрактных обязательств.

Исходя из вышеизложенного, под институциональной средой будем понимать упорядоченную совокупность институтов, которые определяют ограничения для экономических агентов в процессе принятия ими инновационных управленческих решений. Особенности функционирования институциональной среды определяются взаимной поддержкой институтов, которая обеспечивается путем выполнения ими соответствующих функций.

Под функциями институтов, как правило, понимают их деятельность, которая способствует сохранению стабильности в обществе. Рядом с этим дисфункции – это деятельность институтов, которая делает невозможным удовлетворение потребностей инновационной системы и приводит к ее разрушению. Дисфункция возникает, если деятельность инновационного института характеризуется ориентацией не на общество, а на самообеспечение. Совокупность социальных функций различных институтов формирует общие функции.

Отметим, что развитие взаимосвязей между формальными и неформальными институтами является одним из ключевых факторов институциональной динамики, поскольку нуждается не только в формировании, но и восприятии правил и норм, принятых в обществе. Формальные ограничения, правила и институты возникают по большей части на принципах уже существующих неформальных правил и механизмов, которые обеспечивают их выполнение.

Институты макро- и мезоэкономического уровней – это внешние институты, поскольку не могут корректироваться непосредственно менеджментом и собственниками предприятий и зависят от действий правительства и руководителей крупных диверсифицированных компаний.

Институты макро- и мезоэкономического уровней играют значительную роль в процессе развития sharing economy. Роль институтов макроуровня, прежде всего государства, объясняется его статусом как регулятора государственной инновационной политики и реформатора институциональной среды. В частности, основной задачей государства является реализация такой инновационной политики, которая бы способствовала росту научно-технологического потенциала, улучшению благосостояния населения и инновационного климата в государстве.

Институт законодательства активизирует управленческую роль государства и его влияние на развитие инновационно-ориентированной рыночной экономики; способствует усовершенствованию государственных инновационных технологий на различных экономических уровнях. Среди институтов макроуровня особую роль играют также такие институты, как налоговая система, рынок труда, социальное партнерство, система социальной защиты. Роль налоговой системы как важного экономического института заключается в обеспечении внедрения налоговых льгот, целевых субсидий для стимулирования развития инновационной деятельности субъектов хозяйственной деятельности.

Ключевую роль в обеспечении взаимодействия государства и бизнеса играет институт социального партнерства, который направлен на формирование механизмов согласования общественных интересов, способных гарантировать инновационное развитие государства, предотвращать масштабные внутренние потрясения и вызовы.

Среди институтов мезоуровня следует обратить особое внимание на институт социальной ответственности бизнеса. Обеспечение корпоративной социальной ответственности является важнейшим фактором успешной реализации инновационной политики организации, что, в свою очередь, предопределяет формирование инновационного общества.

Выделим следующие функции институциональной среды:

1. Познавательная функция. Институты обеспечивают существование происходящих в хозяйственной жизни общества процессов и явлений, образуют систему экономических взглядов на социум.

2. Практическая функция. Она проявляется в определении теоретических выводов и анализе их достоверности через экономическую деятельность, поиске эффективных форм и способов управления экономическими процессами, создании адекватной структуры хозяйствования на всех экономических уровнях.

3. Интегрирующая функция. Экономические институты способствуют реализации субъектов как индивидов социального производства, облегчают налаживание экономических контактов, обеспечивают экономию за счет транзакционных издержек. Понижение уровня неопределенности внешней системы, обеспечиваемое существованием институтов, позволяет планировать и прибегать к долгосрочным инвестициям, создавая большую стоимость. Средства, сэкономленные на исследовании и предсказании поведения субъектов, могут быть использованы в экономических целях. В условиях же неопределенной среды при отсутствии действующих институтов экономические контрагенты не только сталкиваются с пониженной ожидаемой выгодой от будущих инвестиций, но и вынуждены расходовать дополнительные средства на меры предосторожности при осуществлении экономических мероприятий, например, на страхование.

Из интегрирующей функции вытекает следующая, которая является одной из основных – сокращение транзакционных издержек. Свое исследование Р. Коуз начал с анализа двух, по его словам, ключевых институтов, наиболее существенных для экономической теории – фирмы и рынка, характеризующих институциональную структуру экономической системы [23]. Известно, что рынок обеспечивает свободу, а фирма, соответственно, ее ограничивает. Для успешного существования на рынке предприниматель обязан иметь достоверную информацию, которая требует значительных транзакционных издержек. Следовательно, транзакционным издержкам принадлежит центральная роль в анализе экономических институтов [23].

Институты являются способом снижения транзакционных издержек. Экономические субъекты стремятся уменьшить собственные издержки и увеличить прибыль. Главная идея снижения транзакционных издержек – уменьшение неопределенности экономической системы и соблюдение прав собственности при помощи устойчивых правил поведения. Эти правила поведения и есть институты. В результате высокой степени согласованности институциональных структур транзакционные издержки будут минимизироваться. В случае, когда транзакционные издержки растут, для их снижения целенаправленно создаются различные нестандартные модели экономических институтов, которые способствуют снижению транзакционных издержек. Данный подход к использованию эффективности транзакций институтов объясняет низкую эффективность использования в отдельной стране экономических институтов, положительно показавших себя в других государствах.

4. Информационная функция. Она заключается в накоплении, отборе и передаче информации в пространстве и времени. Осуществляя информационную функцию, экономические институты обеспечивают непрерывность воспроизводства социума. Информированность контрагентов о содержании института, регулирующего поведение, является условием координации экономической деятельности субъектов. Если один из контрагентов знает, как необходимо вести себя при тех или иных обстоятельствах, а другой – нет, координация будет нарушена, вследствие чего участники взаимодействия понесут непроизводственные издержки. Эффективные действующие институты усиливают информированность участников сделок о состоянии рынка и

экономики в целом и тем самым минимизируют издержки на серфинг информации, рационализируют деятельность экономических субъектов.

5. Регулирующая функция. Данная функция заключается в том, что экономические институты направляют деятельность экономических индивидов в русло, наиболее полезное для экономики в целом и пытаются замедлить или остановить вовсе деятельность субъектов, приносящую негативные последствия. Институты как основа норм и правил в обществе создают видимость безопасности и уверенности индивида в гарантированности его прав и свобод. В результате применяются материальные и интеллектуальные ресурсы людей для использования с наибольшей эффективностью.

В рамках регулирующей можно отметить координирующую и распределительную функции. Координирующая функция проявляется в уменьшении доступа к ресурсам и разнообразии способов их использования. Ограничивая возможные варианты действий и направления поведения или даже предписывая только один допустимый способ действия, институты также регулируют поведение экономических агентов, оказавшихся в ситуации, характеризуемой условиями приложения соответствующей действительной нормы. Анализ содержания института, действующего в определенной ситуации, дает каждому из экономических субъектов, находящихся в ней, знание о том, как необходимо вести себя контрагенту. Исходя из этого, индивиды могут и, скорее всего, будут применять собственную линию поведения, учитывая ожидаемые действия противоположной стороны, что и означает применение координации в их поступках.

Осуществление институтами функции координации действий экономических субъектов создает и обуславливает появление координационного эффекта. Его суть заключается в обеспечении экономии для экономических агентов за счет издержек изучения и прогнозирования поведения других контрагентов, с которыми они сталкиваются в определенных ситуациях. В действительности, если правила строго выполняются, нет нужды затрачивать особые усилия на то, чтобы предугадать, как поведут себя индивиды: круг их вероятных поступков очерчен действующим институтом. Следовательно, координационный эффект институтов осуществляется через снижение уровня неопределенности среды, в которой действуют экономические субъекты, и выступает одним из тех механизмов, через которые институты оказывают непосредственное воздействие на эффективность функционирования экономики.

Координирующее значение этих правил проявляется в том, что они ограничивают действительное поведение людей и таким образом делают его более предсказуемым. Стимулирующая роль правил связана с эффективной организацией транзакций, последствием которой является получение выгод от торговли. Следовательно, начальной точкой или «базовой единицей» неинституционального анализа является транзакция, а значение норм связывается с более эффективной организацией транзакций.

6. Культурная функция. Культурный контекст и институциональная среда создают набор возможных организационных альтернатив и тем самым определяют структуру и размер транзакционных издержек, в то время как организационные альтернативы различаются между собой видами транзакций, по отношению к которым они выступают в качестве наиболее подходящих механизмов менеджмента. Институты упорядочивают отношения между людьми и отбрасывают формы поведения, которые приведут к распаду, а следовательно, и к гибели человеческого социума. Таким образом, экономические институты согласовывают и координируют хозяйственную деятельность участников жизни общества.

Структура экономического взаимодействия между хозяйствующими субъектами упорядочивается, что позволяет им прогнозировать последствия осуществлённых действий. Главная роль, которую институты играют в обществе, заключается в уменьшении неопределенности путем установления устойчивой (хотя и не обязательно эффективной) структуры взаимодействия между людьми» [24]. Любой институт, снижая множество действительных способов действий, влияет на перераспределение ресурсов экономическими субъектами, выполняя распределительную функцию. На распределение ресурсов, издержек и выгод воздействуют не

только нормы и правила, содержанием которых является передача товаров и благ от одного контрагента другому, но и те, которые прямо не соприкасаются с этими вопросами [24].

Кроме специфических распределительных последствий, любой экономический и неэкономический институт характеризуется и общим «типовым» распределительным эффектом: ограничивая множество возможных вариантов действий, он непосредственно переключает ресурсы на их подмножество или, как минимум, максимизирует издержки осуществления запрещенных действий за счет включения в их состав будущего ущерба от применения наказания к нарушителям норм и правил.

7. Негэнтропийная (системообразующая) функция. Она проявляется в обеспечении устойчивости, максимизации уровня организованности экономики отдельного государства, способности в определенной мере нивелировать возникающие колебания изменения. Осуществление данной функции становится возможным благодаря тому, что взаимоотношения субъекта и институтов отличаются определенным и в то же время существенным неравноправием: осуществляя свою деятельность, порожденную потребностями, через какой-либо институт, индивид вынужден приспособить структуру своих потребностей и интересов или методы их удовлетворения к институциональным нормам, в то время как влияние отдельного субъекта на институты ничтожно мало. Это объясняет возможность выполнения институтами системообразующей функции [25].

8. Функция комплементарности. Институты дополняют друг друга, и необходимый экономический эффект достигается на основе тесных взаимосвязанных институциональных изменений. В развитой экономической системе экономические отношения характерны и для контактов между институтами, поскольку развитие экономики сопровождается борьбой между ними. Институты играют роль механизма координации действий хозяйствующих индивидов, которым не хватает рыночной координации. Последняя наталкивается на границы периода времени, за который происходит сопоставление затрат и результатов.

9. Воспитательная функция. Воспитательное действие института направлено на обособленный сектор общественного сознания – правосознание, установлены также цели такого воздействия. Воспитательное действие института включает в себя идеологический аспект, реализуемый в основном средствами социальной пропаганды и направленный на повышение общественной культуры. Через воспитательную функцию института передаются его ценности как элемента духовной культуры общества, а также навыки, правила общественного поведения.

Каждая из перечисленных выше социально-экономических функций институтов имеет свой собственный механизм регулирования, при помощи которого институт реализует свои экономические цели и задачи. Таким образом, экономический институт представляет собой проявление комплекса экономических, социальных, правовых и морально-этических отношений, осуществляющиеся на поверхности социальных явлений в виде деятельности отдельных индивидуумов и институциональных организаций.

Таким образом, развитие экономики совместного потребления оказывает значительное влияние на развитие цифрового общества посредством влияния совокупности функций социальных и экономических институтов [26]. Это приводит к трансформации социальных и экономических институтов. Развитие институтов приводит к снижению транзакционных издержек, что, несомненно, важно для всей цифровой экономики. Представленные функции институтов характеризуют базовые отношения регулирования между экономическими агентами относительно изменения характера совместного пользования правами собственности. Безусловно, перспективой дальнейших исследований является анализ влияния экономики совместного потребления на трансформацию экономического института собственности.

Список источников:

I. Ageev A., Averyanov M., Evtushenko S., Kochetova E. *Digital society: architecture, principles, vision // Economic strategies*. 2017. Vol. 1. pp. 114-125. URL: http://www.inesnet.ru/wp-content/mag_archive/2017_01/es2017-01-114-126_Ageev_Averyanov_Yevtushenko_Kochetova.pdf (accessed 14 June 2020).

2. Balsmeier B., Woerter M. Is this time different? How digitalization influences job creation and destruction, *Research Policy*. 2019. Vol. 48. Issue 8. art. no. 103765.
3. Berman S.J. Digital Transformation: Opportunities to Create New Business Models // *Strategy & Leadership*. 2012. Vol. 40. Issue 2, pp. 16-24. URL: <https://doi.org/10.1108/10878571211209314> (accessed 12 June 2020).
4. Bernard A.B., Jensen J.B. Exceptional exporter performance: Cause, effect, or both? // *Journal of International Economics*. 1999. Vol. 47. Issue 1.
5. Bernard A.B., Jensen J.B., Schott P.K. Trade costs, firms, and productivity // *Journal of Monetary Economics*. 2006. Vol. 53. Issue 5.
6. Bisin A. *Introduction to economic analysis*. New York : NYU, 2011. 257 p.
7. Robotic services acceptance in smart environments with older adults: User satisfaction and acceptability study / Cavallo F., Esposito R., Limosani R., Manzi A., Bevilacqua R., Felici E., Di Nuovo A., (...), Dario P. // *Journal of Medical Internet Research*. 2018. № 20 (9). art. no. e264. URL: <https://asset.jmir.pub/assets/121575115b5af23adfbe3f61e7322db3.pdf> (accessed 12 June 2020).
8. Assessment of 21st century ICT skills in Chile: Test design and results from high school level students / Claro M., Preiss D.D., San Martín E., Jara I., Hinostroza J.E., Valenzuela S., Cortes F., (...), Nussbaum M. // *Computers and Education*. 2012. Vol. 59. Issue 3. pp. 1042-1053.
9. Conti D., Di Nuovo S., Di Nuovo A. A brief review of robotics technologies to support social interventions for older users // *Smart Innovation, Systems and Technologies*. 2020. № 189. pp. 221-232.
10. Cooper K.M., Krieg A., Brownell S.E. Who perceives they are smarter? Exploring the influence of student characteristics on student academic self-concept in physiology // *Advances in Physiology Education*. 2018. Vol. 42. Issue 2. pp. 200-208. URL: <https://www.physiology.org/doi/pdf/10.1152/advan.00085.2017> (accessed 26 May 2020).
11. Elragal A., Klischewski R. Theory-driven or process-driven prediction? Epistemological challenges of big data analytics // *Journal of Big Data*. 2017. Vol. 4. Issue 1. art. no. 19. URL: <http://journalofbigdata.springeropen.com/> (accessed 16 April 2020).
12. Frické M. Big data and its epistemology // *Journal of the Association for Information Science and Technology*. 2015. Vol. 66. Issue 4. pp. 651-661. URL: <http://onlinelibrary.wiley.com/journal/10.1002/> (accessed 14 April 2020).
13. Golovenchik G. Digital economy as a new stage of globalization // *Digital transformation*. 2018. Vol. 1. Issue 2. pp. 26-36.
14. Herbert A. Data Analytics & Artificial Intelligence Trends in 2019. URL: <https://medium.com/datadriveninvestor/data-analytics-artificial-intelligence-trends-in-2019-1032c44d9ce8> (accessed 19 April 2020).
15. Kitchin R. Big Data, new epistemologies and paradigm shifts // *Big Data and Society*. 2014. Vol. 1. Issue 1.
16. Pedersen I., Reid S., Aspevig K. Developing social robots for aging populations: A literature review of recent academic sources // *Sociology Compass*. 2018. № 12 (6). art. no. e12585. URL: <http://onlinelibrary.wiley.com/journal/10.1111/> (accessed 16 June 2020).
17. Rizk A., Elragal A. Data science: developing theoretical contributions in information systems via text analytics // *Journal of Big Data*. 2020. Vol. 7. Issue 1.
18. Wild S., Schulze Heuling L. How do the digital competences of students in vocational schools differ from those of students in cooperative higher education institutions in Germany? // *Empirical Research in Vocational Education and Training*. 2020. Vol. 12. Issue 1.
19. Бекмурзаев И.Д., Хажмурадова С.Д. Шеринговая экономика как перспективная модель развития общества // *ФГУ Science*. 2019. № 3 (15). С. 34-39.
20. Tapscott D. *Qe Digital Economy: Promise and Peril In Qe Age of Networked Intelligence*. McGrawHill, 1995. 368 p.
21. Negroponte N. *Being Digital*. New York : New York Vintage Books, 1995. 255 p.
22. Воронцовский А.В. Цифровизация экономики и ее влияние на экономическое развитие и общественное благосостояние // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Экономика*. 2020. Т. 36. Вып. 2. С. 189-216. URL: <https://doi.org/10.21638/spbu05.2020.202>.
23. Coase R.H. The Nature of the Firm // *Economica*. 1937. Vol. 4 (16). pp. 386-405.
24. North D.C. Institutions and Economic Growth: An Historical Introduction // *World Development*. 1989. Vol.17. no.9. pp. 1319-1332.
25. Симченко Н.А., Пискун Е.И. Институциональная основа оценки структуры социального капитала города // *Ученые записки Крымского инженерно-педагогического университета*. 2019. № 4 (66). С. 218-223.
26. Симченко Н.А., Нагорный С.В. Содержание концепта «экономика совместного потребления» // *Тенденции развития интернет и цифровой экономики : труды III Всероссийской с международным участием научно-практической конференции (Симферополь-Алушта, 4-6 июня 2020 г.)*. – Симферополь: ИП ЗуеваТ.В., 2020. – С. 74-75.